

же подобнаго себѣ. Этотъ абсурдъ есть принадлежность не чловѣка, владѣющаго всѣми своими способностями, а мыслителя, ученаго, у коего при атрофіи чувства и воли, остается только мысль. Потому-то знаніе зла безъ желанія искоренить его, и знаніе добра безъ желанія водворить его и есть дѣйствительно великій грѣхъ, который можетъ быть искупленъ только превращенія сословія, живущаго мыслью, въ комиссію, прилагающую мысль къ дѣлу.—Долгъ возникаетъ не изъ пользованія лишь чужимъ (вещью), но и изъ преступленія, т. е. изъ вытѣсненія младшимъ поколѣніемъ старшаго, а потому обѣтъ есть не храненіе только, которое и невозможно, а возстановленіе.—Всѣ обязанности, налагаемая на насъ ученіемъ о Трїединномъ Богѣ, выражаются въ одной заповѣди о долгѣ воскрешенія. Въ противоположность магометанству мы можемъ сказать—*«нѣтъ иного Бога, кромѣ Трїедианаго, и воскрешеніе—его заповѣдь»*. Этотъ долгъ есть единственно общій всѣмъ людямъ, какъ обща всѣмъ людямъ смерть. Опредѣленіе долга воскрешеніемъ не есть произвольный выводъ; въ понятіи долга уже заключается требованіе воскрешенія такъ же, какъ и во всякомъ долговомъ обязательствѣ необходимо заключается обязанность уплаты; разница заключается только въ томъ, что долгъ въ строгомъ смыслѣ, долгъ всеобщій, христіанскій, сыновній долгъ, — требуя уплаты, требуетъ возвращеніе тждественнаго, а не подобнаго только, ибо сыновній долгъ есть произведеніе не отвлеченнаго лишь разума, но и сыновняго чувства. Такимъ образомъ, исполненіе долга есть воспріятіе на себя труда тягла воскрешенія, а не рожденіе, дающее лишь подобіе, неожиданіе осужденіе и наказанія. Посему и бракъ есть не оставленіе родителей, не соединеніе лишь въ плотскую единицу, а сопряженіе въ трудовую, тягловую единицу въ общемъ дѣлѣ отеческомъ, въ дѣлѣ всего рода чловѣчесткаго, состоящаго изъ тягловыхъ единицъ.— У насъ—нѣтъ ничего *своего, нами произведеннаго*, а все даровое, точнѣе *долговое*; жизнь *наша* — вовсе *не наша*, она отъемлема, отчуждаема, смертна; мы получили жизнь отъ своихъ отцовъ, кои въ такомъ-же долгу у своихъ родителей и т. д; рожденіе есть передача долга, а не уплата его. Отъ родителей-же, какъ и вообще отъ предковъ, мы получили не только жизнь но и средства къ жизни, состоящія въ тѣхъ способахъ работы, въ которыхъ все принадлежитъ нашимъ отцамъ предкамъ и весьма мало и только въ исключительныхъ случаяхъ, лично намъ.. «Какое дѣло намъ до грѣха, который совершенъ до нашего рожденія?» — говоритъ *розы* въ лицѣ Каина (въ извѣстной мистеріи Байрона—“Каинъ”). Но если мы не хотимъ принимать послѣдствій грѣха, не нами лично совершеннаго, то не должны принимать и добра, не нами произведеннаго,—что равнялось-бы отреченію отъ искупленія, отъ всякаго дѣла, совершаемаго не однимъ поколѣніемъ, а *цѣлымъ* рядомъ ихъ, генерацией поколѣній.. Если вышешю добродѣтелью для людей, отдѣльно взятыхъ, будетъ—положить жизнь за другихъ (смерть неповиннаго за виновныхъ), то въ чемъ будетъ состоять высшая добродѣтель для людей, взятыхъ въ совокупности?.. Долгъ къ родителямъ имѣетъ не только нравственный характеръ, но выражается и въ физической зависимости, невольности, несвободности; рожденность, это—несвободность. Земля и всѣ другія условія жизни не составляютъ нашей соб-